

Е. А. Четвертных**Между идиллией и балладой: Отечественная война
1812 г. в творчестве П. А. Катенина**

Произведения П. А. Катенина об Отечественной войне 1812 г. («Наташа» и «Инвалид Горев») рассматриваются с точки зрения сочетания в них балладного и идиллического начал. В описании событий 1812 г. идиллическое выступает как норма, естественный и правильный порядок вещей, нарушенный войной, тогда как баллада отображает мир в его пограничном состоянии. П. А. Катенин не только парадоксально соединяет балладу и идиллию в рамках одного текста, но русифицирует эти жанры, создавая русскую идиллию и русскую балладу.

Ключевые слова: П. А. Катенин; Отечественная война 1812 г.; идиллия; баллада; романтизм.

Павел Александрович Катенин (1792–1853) известен как поэт, драматург, переводчик, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии, член Союза спасения и друг будущих декабристов. Среди литераторов начала XIX в. он выделяется самостоятельностью литературно-критического мышления, умением отстаивать свои литературные и философско-политические взгляды наперекор чужому мнению. Независимость Катенина сказалась на его литературной репутации двойственно. С одной стороны, с его суждениями считались (А. С. Пушкин, например, признавал авторитет Катенина как критика и ценил его поэтический талант). С другой стороны, у Катенина было мало последователей и учеников (если не считать младоархаистов и молодого А. Ф. Писемского, соседа Катенина по имению), кроме того, вынужденная, а потом и добровольная изоляция в родовом имении Шaeво не позволяла поэту оперативно реагировать на изменение литературного климата в России.

Жанры баллады и идиллии занимают важнейшее место в литературном наследии Катенина наряду с его драматургией, переводной

и оригинальной. Участвуя в Отечественной войне 1812 г., Катенин переносит военные впечатления в свое последующее творчество, переосмысляя их через призму двух, казалось бы малосовместимых, жанров — баллады и идиллии. В своих жанровых предпочтениях Катенин оригинален, поскольку война 1812 г. освещалась в русской литературе, как правило, в рамках иных жанров — оды, элегии, гусарской песни и т. д. Как отмечает В. И. Сахаров, героическая тема борьбы за национальную свободу вновь вызывает к жизни жанр оды. Можно сказать, что «война 1812 года продлила жизнь устаревающей, уходящей торжественной оды как жанра»¹, так что ода даже на некоторое время потеснила элегию. Война изображается в двух планах — государственном (ода) и личном (элегия, а также гусарская песня и дружеское послание)². В первом случае преобладает героический пафос «жертвенного забвения личностью и себя самой»³ (В. И. Тюпа), во втором же, напротив, поэты раскрывают свое индивидуально-личностное восприятие войны.

Как одическая, так и элегическая поэзия периода Отечественной войны исключает идиллическую трактовку военной темы, поэтому и жанр идиллии и идиллический модус художественности выходят за рамки военной литературы. Однако особый статус войны 1812 г. — отечественная — актуализирует идиллическую систему ценностей, центром которой является хронотоп «родного дома» и «родного дола»⁴. Пример подобного хронотопа наблюдаем у В. Жуковского («Певец во стане русских воинов») в описании Отчизны: «Страна, где мы впервые / Вкусили сладость бытия, / Поля, холмы родные, / Родного неба милый свет, / Знакомые потоки, / Златые игры первых лет, / И первых лет уроки /

¹ Сахаров В. И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили. М., 2004. С. 46.

² О жанровой системе русской поэзии периода войны 1812 г. см. также: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «элегическая школа». СПб., 2002. С. 154–192.

³ Теории литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1. М., 2007. С. 57.

⁴ См.: Там же. С. 69.

<...> Там все — там родших милый дом, / Там наши жены, чада; / О нас их слезы пред творцом; / Мы жизни их ограда...»⁵ В творчестве Катенина идиллическое выступает как норма, образец естественной и праведной жизни в ладу с собой и окружающим миром. Герои, выпадающие из идиллии, идущие на конфликт с миром, как правило, несут наказание. Так идиллическое начало в поэзии Катенина вступает во взаимодействие с балладным. И наиболее ярко это проявляется в двух произведениях, посвященных Отечественной войне 1812 г., — «Наташа» (1814) и «Инвалид Горев» (1835).

Балладу «Наташа» можно считать первой попыткой Катенина переписать по-своему знаменитую «Ленору» Бюргера, на тот момент уже дважды переведенную В. А. Жуковским: в 1808 г. — «Людмила» и в 1808–1812 гг. — «Светлана». Катенин, как известно, не был доволен переводами Жуковского и предложил взамен переводных баллад свою версию «русской» баллады, которая должна была по стилю и по сюжету существенно расходиться с иностранным образцом. Однако, как заметили еще современники поэта, есть все основания сопоставлять «русские» баллады Катенина с переводными произведениями Жуковского: баллада Катенина «Ольга» сравнивалась с «Людмилой» Жуковского, «Леший» — с «Лесным царем», «Убийца» — с «Ивовыми журавлями». Результатом поэтического состязания Катенина с Жуковским стала бурная полемика вокруг жанра баллады, которая развернулась в 1816 г. после публикации «Ольги» Катенина. Как показал Ю. Н. Тынянов, полемика касалась не только самого жанра баллады, но и фундаментальных для русской словесности вопросов литературного языка и стиля. Русский романтизм в этот период пытается отразить в литературе национальное самосознание и чуждается заимствованных, «готовых» жанров. Именно поэтому «Катенин в “Убийце”, “Ольге”, “Наташе”, “Лешем” создает, в противовес “готовой” балладе Жуковского с западным материалом, “русскую балладу”, где “просторечие” и “грубость”, установка на быт, натуру, на натурализм фабулы мотивируют самый

⁵ Жуковский В. А. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. М. ; Л., 1959. С. 151.

жанр, делают его не стилизацией, а оправданным национальным жанром»⁶.

«Наташа» — первое произведение в ряду «русских» баллад Катенина, написанное еще за границей, когда война с наполеоновской Францией подходила к концу⁷. В отличие от созданной два года спустя «Ольги», эта баллада не является переводом «Леноры» Бюргера, хотя и сохраняет ряд узнаваемых мотивов, отсылающих к текстам Бюргера и Жуковского. Судьба Наташи, героини катенинской баллады, созвучна судьбам многих русских девушек и женщин, чьи женихи и мужья погибли на войне. Баллада начинается с описания счастливой жизни влюбленных, в которую вторгается война. Наташа сама призывает своего друга «сражаться за отчизну», поскольку оставаться в стороне в такое время — «стыд и грех». Напутствуя его перед отъездом, она дает ему крест с мощами, и оба они стремятся быть послушными Божьей воле. Поступок Наташи резко контрастирует с поведением Ольги из одноименной баллады Катенина. Узнав, что ее жених погиб под Полтавой, Ольга начинает роптать и проклинять небо:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала...⁸

В результате Ольга накликала на себя страшное наказание: ее мертвый жених приезжает за ней, чтобы забрать ее с собой в могилу. Когда же возлюбленный Наташи погибает в Бородинском сражении, т. е. в день ее именин, она не позволяет себе взбунтоваться против Бога:

⁶ Тынянов Ю. Н. История литературы. Критика. СПб., 2001. С. 31.

⁷ Подробнее о полемике вокруг баллады и о балладе «Наташа» см.: Ложкова Т. А. «Не сражаться за отчизну... в русских людях стыд и грех»: проблема чудесного в балладе П. А. Катенина «Наташа» // Филол. класс. 2012. № 2 (28). С. 29–37/

⁸ Катенин П. А. Избранные произведения. М. ; Л., 1965. С. 93.

Именинница Наташа!
В день твой, в день Бородина,
За здоровье друга чаша
Налита тобой вина.
И о нем пируют гости;
А его в тот час уж кости
На ближайшем там селе
Преданы сырой земле.
И дошло известье злое,
И не ропщет сирота:
Свято небо ей благое,
Воля Божия свята.
Не пила три дни, не ела,
Как больная исхудела;
Нет покоя ей, ни сна,
И как мертвая бледна⁹.

Героиня верна себе до конца: пережитое потрясение не изменило ее мировоззрения, не побудило ее поставить на первый план личное горе. Катенин трансформирует в «Наташе» узнаваемый балладный мотив: мертвый жених возвращается к своей возлюбленной, но не для того, чтобы наказать ее, а чтобы вознаградить за верность и испытанные страдания. Во сне Наташа видит своего любимого, который обещает ей вечное счастье в раю:

«...Нашу призрел Бог разлуку,
Веру райский ждет покой;
Жениху дай, радость, руку,
Помолись, и в путь со мной».
Тут Наташа помолилась,
Тут во сне перекрестилась:
Как сидела, как спала,
К жизни с милым умерла¹⁰.

⁹ Катенин П. А. Избранные произведения. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 82.

Балладные мотивы сплетаются у Катенина с идиллическими. Проявление индивидуалистического бунта влечет за собой кару («Ольга»), смирение перед судьбой вознаграждается, пусть даже за пределами земной жизни, причем вознаграждается восстановлением утраченной идиллии, ведь Наташа «к жизни с милым умерла». Отметим, что в балладе «Ольга» описывается другая война, война со шведами, не имеющая статуса отечественной. По-видимому, для автора это имеет принципиальное значение, так как 1812-й год актуализировал в сознании русских людей сверхличные ценности, заставлял ощутить свою причастность к истории России, даже если ради Отечества необходимо жертвовать своим покоем и счастьем. Сохранение идиллической системы ценностей требует иногда покинуть свой уютный уголок и вступить в борьбу с теми, кто на него посягнул, что понимают герои баллады «Наташа».

Хотя идиллическое мировосприятие изначально присутствует в литературных описаниях войны 1812 г., непосредственно в жанр идиллии военная тематика проникает только к началу 1830-х гг., причем сначала в творчестве А. А. Дельвига, а уже потом — П. А. Катенина. Идиллия Дельвига «Отставной солдат» (1829) продолжает намеченную в поэзии В. Жуковского и Н. Гнедича традицию «русской идиллии», предметом изображения которой становится не античный буколический мирок, а жизнь русских рыбаков, пастухов, солдат. Интерес к национальной культуре, своей и чужой, вообще характерен для романтизма. В творчестве Дельвига сосуществуют два национальных образа мира — античный (идиллия) и русский (русская песня). Они разведены по разным жанрам и дополняют друг друга. Уникальность «Отставного солдата» состоит в том, что Дельвиг вводит в жанр идиллии русский национальный колорит и указание на конкретную историческую дату — конец Наполеоновских войн. В этом плане «Отставной солдат» может быть противопоставлен другой известной идиллии Дельвига — «Конец золотого века» (1828), где античный буколический мир, Аркадия, становится дисгармоничным, и «сельский быт гибнет под натиском городской культуры, символизирующей

наступление “железного века”»¹¹. В. Э. Вацуро, комментируя эту идиллию, отмечал, что в начале XIX в. «русская идиллия становилась фактом романтического движения, но это происходило ценой ее саморазрушения. Дельвиг переносился в золотой век, чтобы написать “Конец золотого века”. Отныне идиллия затухает в русской литературе, но не исчезает вовсе»¹². Однако «Отставной солдат» демонстрирует новые возможности жанра идиллии: смена хронотопа (вместо Аркадии — современная Дельвигу Россия, вместо древних времен события недалекого прошлого) позволяет раскрыть универсальность идиллического взгляда на мир, не принадлежащего лишь античности, но актуального во все времена. Дельвиг постепенно отходит от идиллии как жанра, но открывает ее заново как м о д у с х у д о ж е с т в е н н о с т и. Именно этот процесс отражен и в «Конце золотого века», и в «Отставном солдате».

Итак, если «Конец золотого века» демонстрирует разрушение идиллического мировосприятия (так что в тексте элегическая модальность явно преобладает над идиллической), то в «Отставном солдате», напротив, даже людям, пережившим войну, видевшим страшную смерть французских солдат от русского мороза, присуще идиллическое мироотношение. По Дельвигу, все бедствия и смерти можно пережить, если в конце концов равновесие и гармония в мире будут восстановлены. Не случайно в идиллии намечено символическое противопоставление мертвых французов, сцепившихся друг с другом в смертельной схватке и замерзающих «близ горящего костра», с пастухами, которые тоже сидят у костра¹³, но, в отличие от французов, не проявляют друг к другу

¹¹ Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008. С. 78.

¹² Вацуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 138.

¹³ Сама сюжетная канва «Отставного солдата» — разговор пастухов с солдатом у костра — заимствована Дельвигом, по наблюдению В. Э. Вацуро, у немецкого поэта Л. Гельти («Костер в лесу»). — См.: Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 207–208, а также: Жаткин Д. Н. Произведения немецких поэтов в творческой интерпретации А. А. Дельвига // Изв. Урал. гос. ун-та. 2008. № 56. С. 227–237.

никакой враждебности и радушно принимают незнакомого им солдата в свой круг. Справедливость восстановлена: захватчики погибли, обратив свою агрессию друг против друга, русские в Париже «отмстили честно / Пожар московский»¹⁴. История мира, история народа развиваются по циклической модели: изначальное равновесие золотого века нарушается, когда кто-то поступает вопреки законам мироздания (французы в «Отставном солдате» или Мелетий в «Конце золотого века»), но в финале (по крайней мере — «Отставного солдата») происходит восстановление разрушенной гармонии. Мир снова обретает целостность: «Господь утешил матушку Россию! / Молитесь, братцы, Божьи чудеса / Не совершаются ль пред нами явно!»¹⁵

Заслуживает внимания очевидное сходство развязки «Отставного солдата» с финалом стихотворения Ф. Н. Глинки «1812 год» (1830-е), в котором Глинка излагает основные события Отечественной войны — от вторжения Наполеона в Россию до взятия русскими войсками Парижа. Описание сражения под Смоленском представляет собой яркую иллюстрацию «героического катарсиса» (В. И. Тюпа): «Мы заслоняли тут собой / Порог Москвы — в Россию *двери* (курсив Ф. Глинки. — Е. Ч.); / Тут русские дрались, как звери, / Как ангелы!..»¹⁶ Но в итоге происходит тот же возврат к естественному гармоничному состоянию мира, что и у Дельвига, причем именно в тот момент, когда русские войска доходят до Парижа: «И минул год — год незабвенный! / Наш Александр Благословенный / Перед Парижем уж стоял / И за *Москву* ему прощал!»¹⁷. Идиллика соседствует с героикой. Временная дистанция открывает иную перспективу в изображении войны 1812 г.: у Дельвига, Глинки или даже у Лермонтова («Бородино») рассказ о военных событиях ведется повествователем, который уже осведомлен о том, как закончилась эта война, и может увидеть историческую закономерность в такой развязке. Это та же временная

¹⁴ Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1959. С. 211.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Глинка Ф. Н. Сочинения. М., 1986. С. 69.

¹⁷ Там же. С. 72.

и повествовательная дистанция, которая существует уже в поэмах Гомера по отношению к Троянской войне. Сам повествователь у Гомера живет скорее в идиллическом, чем героическом мире. Нечто подобное наблюдаем и в изображении войны 1812 г. через двадцать лет после ее окончания. Идиллический модус художественности начинает теснить героику, хотя, разумеется, не может полностью ее собой заменить.

Помимо «Отставного солдата» Дельвига, к жанру русской идиллии примыкает «Инвалид Горев» П. А. Катенина (1835). Сам автор отрицал, что между «Отставным солдатом» Дельвига и «Инвалидом Горевым» есть что-то общее. В письме Н. И. Бахтину от 27 января 1830 г. он писал: «Еще любопытен я увидеть, как Дельвиг вывел в русской идиллии отставного солдата; NB что я сам замышлял стихотворенье, в коем главным лицом явился бы отставной солдат, только не идиллия из того выходила. Коли в мысли Дельвига не встретится с моей ни малейшего сходства, он мне не помеха; если же хоть что-нибудь в обе головы разом влезло, кто первый встал, тот капрал, а другому неволя идти в отставку»¹⁸. Повидимому, Катенин пришел к выводу, что задуманный им сюжет все же не совпадает с дельвиговским, поскольку через некоторое время после этого письма вернулся к своему замыслу об отставном солдате в «Инвалиде Гореве».

Определяя в подзаголовке жанр «Инвалида Горева», Катенин называет его «былью», полемически противопоставляя это жанровое определение «русской идиллии» Дельвига. Катенин подчеркивает, что в его произведении нет ничего условно-идиллического, что это «литература факта». Отставной солдат с говорящей фамилией Горев долгое время живет во Франции, попав в плен после Аустерлицкого сражения, и мечтает о возвращении домой: «Беден всяк вдали от родины милой; / Горек хлеб, кисло вино на чужбине: / Век живи, не услышишь русского слова!»¹⁹. Вернувшись домой, Горев переживает новые злоключения: узнает, что его жена

¹⁸ Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 303.

¹⁹ Катенин П. А. Избранные произведения. С. 340.

повторно вышла замуж, терпит многочисленные унижения от сына и снохи. Однако все горести инвалида Горева заканчиваются, когда в его судьбе принимает участие князь Селецкий. Горев учит грамоте крестьянских детей и получает небольшую пенсию даже после смерти князя, который упомянул его в своем завещании. А вот обидчики Горева получают воздаяние: тяжело заболевает бывшая жена, сын и сноха получают долгожданное наследство, но их единственная дочь умирает.

Наказанию за отпадение от патриархальных нравственных ценностей подвергается в «Инвалиде Гореве» и Наполеон. Катенин изображает его как романтического героя-индивидуалиста, готового пожертвовать целыми армиями ради своего величия. В контексте романтической поэмы такой тип героя вызывает обычно симпатию автора или хотя бы увлекает его воображение. Катенин же видит в нем только «окаянного» преступника. И мир мстит тому, кто посмел подрывать самые основы мироустройства, ставя свою индивидуальную волю выше всего на свете: «Бог попустил, на кару гордыни. Кутузов, / Вечная память ему, сшепнулся с морозом; / Выбрал крепкое место, так, чтобы мимо / Взад ни вперед ступить нельзя супостату; / Выждал, и стал вымораживать, словно хозяин / Из дому вон тараканов...»²⁰ Мороз и Кутузов, природа и люди восстают против Наполеона. Он же настолько слеп, что не понимает, на что он посягнул. Такая трактовка образов Наполеона и Кутузова предвещает «Войну и мир» Л. Толстого.

Катенин, по-видимому, вполне сознательно отвергает характерный для романтической поэмы тип героя. Такая неявная полемика с самым популярным во времена Катенина лироэпическим жанром требует комментария. По мнению Ю. В. Манна, жанр романтической поэмы генетически связан с идиллией и балладой²¹, жанрами, которые преобладают в поэзии Катенина и в том числе отзываются в «Инвалиде Гореве». От идиллии Катенин сохраняет хронотоп

²⁰ Там же. С. 342.

²¹ См.: Манн Ю. В. Русская литература XIX в. : Эпоха романтизма : учеб. пособие для вузов. М., 2001. С. 141–154.

«родного дома» и характерный тип развязки. Кроме того, Катенин выделил из «Инвалида Горева» отрывок, посвященный дуре Маланье, и опубликовал как самостоятельное произведение — идиллию «Дура» («идиллия» — авторское определение жанра, вынесенное в подзаголовок). Отметим, что сюжет о девушке, повстречавшей медведя в лесу и сошедшей с ума, был бы уместен скорее в балладе, чем в идиллии, однако Катенин, как Дельвиг до него («Конец золотого века»), ставит эксперимент над идиллией как жанром, вмещающей в идиллию принципиально неидиллическое содержание. Жанр баллады в «Инвалиде Гореве» также дает о себе знать. В эпизоде встречи Горева с женой Маврой Петровной Катенин в свернутом виде воспроизводит балладный сюжет встречи с мертвым женихом: «Горев глядь: она. В чаду от восторга! / Прямо к ней: “Сокровище! Свет ненаглядный! / Радость, узнай: я муж твой”. — “Мертвец! помогите, — / Крикнула та, — Я мертвых боюсь до смерти”. / Женщин сбежалось; им на руки так и упала / В обморок; в дом увели, на кровать, и от шуму / Заперли дверь — он только и видел хозяйку»²². Этот отрывок напомнит знакомому с творчеством Катенина читателю его баллады «Ольга» и «Наташа». Но важно и то, что встреча Горева с Маврой Петровной происходит в церковный праздник Преображения. Так что мотив воскресения из мертвых в данном эпизоде связан не только с жанром баллады, но и с христианством: перед Маврой Петровной не живой мертвец, как ей кажется, а действительно воскресший из мертвых Макар Горев.

По-видимому, дистанцирование Катенина от романтической поэмы можно объяснить двумя причинами. Во-первых, система жанров поэзии Катенина складывалась еще до того, как романтическая поэма заняла ведущие позиции в литературе первой трети XIX в. Кроме того, в формировании этого жанра принимали активное участие литературные оппоненты Катенина (В. Жуковский, «Шильонский узник») и младшие современники, у которых Катенин вряд ли стал бы учиться (А. Пушкин, Е. Боратынский).

²² Катенин П. А. Избранные произведения. С. 345.

Во-вторых, в «Инвалиде Горева» Катенин утверждает совсем иную систему ценностей, неромантическую. Потому-то героем катенинской «были» становится не сверхчеловек Наполеон, а Горев, не индивидуалист, отделяющий себя от мира, а скромный отставной солдат, ощущающий свою причастность к бытию как целому. Таким образом, перед нами все-таки идиллическое мироотношение, которое, по словам Ю. Манна, контрастирует с романтическим²³. Но наказание за бунт против миропорядка осуществляется у Катенина по законам балладного жанра. В этом смысле поражение Наполеона сопоставимо с гибелью Ольги из одноименной баллады.

Идиллия как жанр и как модус художественности в литературе 1830-х гг. непосредственно связывается с темой Отечественной войны 1812 г. Победа России в этой войне мыслится не только как результат героических усилий солдат и полководцев, но и как проявление исторической закономерности, как неизбежное восстановление нарушенного мирового равновесия, осуществляемое средствами балладного жанра. Наполеон в идиллической системе ценностей лишен романтического ореола свободолюбивого героя-бунтаря, и все его притязания на исключительность опровергаются. Тогда как привязанность русских воинов к родным полям и холмам, к «милому свету» «родного неба» (Жуковский) делает каждого из них цельной и гармоничной личностью, органично сосуществующей с миром. Важнейшей особенностью русской идиллии становится также объединение идиллического мировосприятия с христианской картиной мира: отставной солдат у Дельвига благодарит Бога за победу над Наполеоном, набожность инвалида Горева у Катенина неотделима от его патриотизма. Когда античная идиллия рушится («Конец золотого века»), обнаруживается, что христианское и идиллическое мироощущения могут дополнять друг друга. Процесс христианизации античного жанра

²³ «...Само, если можно так сказать, романтическое состояние ощущается нами по контрасту с “идиллическим состоянием”» (*Манн Ю. В. Русская литература XIX в...* С. 151).

идиллии свидетельствует о гибкости и динамичности жанровой системы русского романтизма, сочетающего, казалось бы, абсолютно разнородные в философско-эстетическом плане явления. Русская баллада и русская идиллия в творчестве Катенина отображают разные грани единого мировоззрения. Катенин показывает русский мир в момент кризиса, катастрофы, но утверждает неизбежность восстановления его исконного довоенного состояния: от идиллии к балладе, а затем — вновь к идиллии. Придавая идиллии и балладе статус национальных (русских!) жанров, Катенин сознательно допускает их сближение и взаимопроникновение в рамках произведений, посвященных войне 1812 г.

Е. Ю. Шер

**«Перун всесокрушающей руки пожрал
непобедимых ополченье»: В. К. Кюхельбекер
о роли Александра I в войне 1812 г.**

Рассматривается стихотворение В. К. Кюхельбекера «День святого Александра Невского» как образец романтической торжественной оды, последовательно прослеживается, как жанровая форма работает на создание идеализированного образа Александра I — спасителя и гордости Отечества, каким он представляется Кюхельбекеру в 1832 г., спустя 20 лет после свершения его «священного подвига».

Ключевые слова: В. К. Кюхельбекер; ода; романтизм; романтическая ода; Александр I; день святого Александра Невского.

Известно, что декабристская поэзия не завершилась декабрем 1825 г., однако, по верному замечанию А. В. Архиповой, после 14 декабря, «за небольшим исключением», произведения их «уже не воспринимались широким кругом читателей, не обсуждались